
Николай Евреинов

Граждане второго сорта¹

Бытовые сценки в трех действиях из жизни русских парижан
во время Второй Великой войны.

Действующие лица

Бирюлькин Панкратий Ильич —
бывший чиновник,
служит во французском страховом агентстве.

София Игнатьевна —
его жена, подрабатывает шитьем.

Боря —
их сын, новобранец французской армии.

Розалия Семеновна Пашенко —
жилишка в доме Бирюлькиных,
учительница музыки.

Нюра — ее дочь, оканчивает балетную школу.

Адлер Петр Альбертович —
их сосед, служит метрдотелем

в русском ресторане “Chez les Boyards”².

Доктор Ланской Иван Иванович —
старый друг Бирюлькиных.

Марфа — бывшая няня Бори,
живет у Бирюлькиных не то как прислуга,
не то как друг дома.

Олимпиада Платоновна Окунева
(de Okouneff) — хозяйка ресторана
“Chez les Boyards”.

Эпизодические роли:

женщина с ребенком в колясочке, **беженец** с мотоциклеткой, **два солдата** немецкой армии, **санитар**.

Действие 1

На квартире Бирюлькиных. В 15-м округе Парижа, излюбленном русскими эмигрантами среднего достатка.

Большая сравнительно комната, буржуазно обставленная. Двери посредине, направо, в глубине, и налево, недалеко от рамы.

В убранстве этой комнаты замечается смесь дешевого шика и чисто русского уюта: на диване, слева, шелковые узорчатые подушки (“для украшения”), в углу, направо, икона Божьей Матери с лампадкой перед нею; вокруг стола посредине изогнутые стулья (с “Барбес Рошешуар”); на стенах “парные” портреты Льва Толстого и Достоевского, окруженные полочками, со статуэтками маленьких собачек, оленя, полураздетой купальщицы и с пасхальными фарфоровыми яйцами.

В полуоткрытую дверь, посредине, видна передняя, где дверь сбоку ведет на кухню, а другая, прямо перед зрителями, — на парадную лестницу.

При поднятии занавеса **София Игнатьевна Бирюлькина** хлопчет вокруг стола, накрытого к утреннему чаю. Слева, в опрятном халате поверх жилета и брюк, входит, семеня ногами, ее муж **Панкратий Ильич**. Это типичный русский парижанин, лет под 60; седая бородка “под Чехова”, лихорадящий взгляд впалых глаз, курносый розовый носик и поредевшие до плечи волосы плохо вяжутся с его претензией импонировать “барским” видом, галстуком “не как у всех” и хохолком напомаженной куафюры.

Его жена, **София Игнатьевна**, скромно, но с достоинством одетая, куда солиднее своего мужа. Она еще хорошо сохранилась, и добрый взгляд ее выразительных глаз, сверкающих порой вызывающе сквозь стальные, немодные очки, говорит о ее прошлой обаятельной молодости, с которой она еще не совсем распростилась.

Бирюлькин (торопливо). Ну, что? Как насчет чаю?

София Игнатьевна (спокойно перетирая чашки). Сейчас.

Бирюлькин. А где газеты?

София Игнатьевна. Марфа еще не вернулась.

Бирюлькин. Удивительно: когда созревают события и ждешь не дожدهшься последних известий,

Марфа черт ее знает где валандается!..

София Игнатьевна. Сегодня базарный день.

Это, во-первых. А во-вторых: каких таких “событий” ты ждешь не дожدهшься? Смотри, Панкратий Ильич, накличешь беду!

Бирюлькин (поправляя галстук перед зеркалом). Какую такую беду?

София Игнатьевна. Я знаю, чего ты ждешь не дожدهшься!

Бирюлькин (насмешливо). Ну, чего?

София Игнатьевна. Войны! Да, да — войны!.. Это чтобы снова, как двадцать лет тому назад, мы беженцами стали и мучились в эмиграции! Интересно только, куда мы теперь побегим! Уж, кажется, всю Европу обегали!

Бирюлькин (с усталым видом, усмехаясь). Вот вздор! Ну, на что мне война? Что я — генерал какой-нибудь, ищущий случая отличиться? Или

¹ Публикуется по авторизованной машинописи, хранящейся в Отделе зрелищных искусств Национальной библиотеки Франции. Париж. Фонд Н.Н.Евреинова.

² “У бояр”. (Фр.)

Нюра. Я уж почти окончила и уже в “Фоли Бержер” на маленьких ролях и *comme remplaçante*¹. Вы знаете, я считала: в Париже больше пятидесяти семейств русский эмигре живут на средства танцовщиц — их дочки! *C'est touchant, n'est ce pas*².

Бирюлькин. Во всяком случае — драматично: бедные девочки вместо того чтоб заниматься науками, должны плясать на потеху развратникам, чтоб прокормить своих родителей. Когда-нибудь большевикам это во-о как припомнят те русские, которые отказались плясать под их красную дудку!

В это время Боря пытается отнять подносик с чашками у Нюры, но та “защищается”.

Боря. Я отнесу вашей маман! Разрешите?

Нюра. Я сама! *A quoi bon vous déranger*³

Боря. *Mais si, ça m'fait plaisir*⁴.

Нюра. Non, non!⁵ *(Вскрикивает при виде, как одна из чашек во время ее “возни” с Борей падает на пол и разбивается.)* Ах, что я сделала!.. *(Зовет.)* Маман! Маман! Иди сюда! *Il ne manquait que ça!*⁶ *(Поднимает, опережая Борю, чашку, среди общего смеха и веселых междометий.)*

Розалия Семеновна *(входит справа, слегка взволнованная зовом дочери; это еще молодая женщина со следами красоты “восточного типа”; сразу видно: натура добрая, деликатная, слегка пришибленная предрассудками жизни; говорит с полуукраинской, полуеврейской напевностью).* Что случилось?

Все *(чуть не хором).* Ерунда!.. Пустяки!..

Розалия Семеновна *(Нюра).* Ты разбила чашку? У нас остались только маленькие для кофе.

София Игнатьевна. Я вам одолжу из своего сервиза! *(Идет к шкафу и достает обещанное.)*

Розалия Семеновна. Вы слишком добры! *(Боре с улыбкой.)* Это она из-за вас: увидела военного человека и перестала владеть собой. А форма так вам идет! Ну, просто прелесть!.. Вы уже ходите на ученые?

Боря. Начну со среды. А пока представляюсь начальству, всяким субалтернам⁷, и хожу в канцелярию.

София Игнатьевна *(нерешительно протягивает чашку Розалии Семеновне).* Прошу! Присаживайтесь к нам и будьте как дома! Чего вам путешествовать?

Бирюлькин. Правильно!

Боря *(хлопая в ладоши).* Вот это мудрое решение!

Бирюлькин. Сейчас принесут газеты, и в них мы прочтем о заключении франко-советского союза⁸. Помните мое предсказание? У меня нюх!.. Для Франции совершенно безразлично, царская ли это

Россия или коммунистическая! Ей важно, чтобы Германия очутилась в тисках. А что в России сидят большевики, которые обратят Францию в свою веру, — на это господам Даладь наплевать! *“Après nous le déluge”!*

Боря *(деликатно).* Не “делюж”, а “déluge”.

Бирюлькин. Я и говорю “делюж”, то есть “после нас хоть потоп”!

Боря *(настойчиво-добродушно).* “Déluge”, а не “делюж”.

Бирюлькин. А ну тебя к Богу!.. Это он мне мстит, Розалия Семеновна, за то, что я его “sal étranger”¹⁰ обругал, сиречь “басурманом”.

Нюра *(вспыхнув).* Но monsieur Boris так любит Россию!

Бирюлькин. Совдепию, вы хотите сказать? Я это знаю! И не он один, а многие из французов! Вот потому-то я и дрожу заранее за их родину!

Нюра. Но... почему?

Бирюлькин. Потому что они дадут “товарищам” такой коммунизм насадить здесь, что небу жарко станет! О нас, эмигрантах, я уж не говорю: нас прямо в ГПУ, туда нам и дорога! А немцев, разумеется, в два счета раздавят, и никакой Гитлер не спасет мир от большевистской заразы... *(Повернувшись к Розалии Семеновне и ища у нее сочувствия.)* Вы только подумайте: культурнейший народ, давший миру Бетховена, Гете и философа Канта, очутится под пятой большевизма! Просто страшно подумать!

Розалия Семеновна *(робко).* Да, но они не очень хорошо относятся к евреям!

Бирюлькин. А вы думаете, евреи хорошо относятся к немцам? Будьте спокойны: они платят друг другу той же монетой. И я, ей-ей, не знаю, кто кого больше ненавидит! Потому что я не антисемит, не германofil, а лишь сторонний наблюдатель, который вслед за Пушкиным готов воскликнуть: “Оставьте! Это старый спор славян между собою!”¹¹

Розалия Семеновна *(скромно).* Ну, положим, здесь о “славянах” не может быть и речи!

Бирюлькин. Я говорю к примеру!..

Слышен звонок.

Нюра. Это, верно, Марфа avec les journaux¹². *(Встает.)*

Боря. У Марфы свой ключ.

Нюра. Ah oui c'est vrai!¹³ *(Садится.)*

Боря *(вставая).* Это, должно быть, сосед наш за

¹ На замене. *(Фр.)*

² Это трогательно, не так ли? *(Фр.)*

³ Не стоит беспокоиться! *(Фр.)*

⁴ Напротив, мне очень приятно. *(Фр.)*

⁵ Нет, нет! *(Фр.)*

⁶ Этого еще не хватало! *(Фр.)*

⁷ От франц. Subaltern — подчиненный. Субалтерн-офицеры — все младшие подчиненные обер-офицеры, нижеротных начальников.

⁸ 18 марта 1938 г. Москва в очередной раз предложила созвать конференцию трех стран — Англии, Франции и СССР, с тем, чтобы выработать необходимые меры по защите Чехословакии от агрессивных требований Германии.

⁹ Даладь Эдуард (1884—1970) — государственный деятель, премьер-министр Франции в 1933—1934 и в 1938—1940 гг. В 1938 г. участвовал в заключении Мюнхенского соглашения.

¹⁰ Грязным иностранцем. *(Фр.)*

¹¹ Цитируется стихотворение А.С. Пушкина “Клеветникам России”.

¹² С газетами. *(Фр.)*

¹³ Ах да, конечно! *(Фр.)*

газетами! Самому лень выходить на улицу: хочется в постельке понежиться...

Розалия Семеновна (*перебивая*). У них в ресторане очень поздно расходятся, а ему надо до конца там дежурить: хозяйка “Chez les Boyards” очень строгая...

Бирюлькин (*Боре, перебивая ее*). Иди же, отвори!..

Боря уходит.

Он славный малый, этот Адлер! Такой воспитанный! Сразу видно бывшего гвардейского офицера.

Нюра (*взволнованно*). И такой добрый: обещаль маман в ресторане устроить, чтоб она там играла на рояле. Он ведь там maitre d'hôtel!. Предлагает две тысячи в месяц! C'est généreux ma foi?

Голос Бори. Входите, входите, Петр Альбертович! Газеты сейчас принесут.

Адлер (*входя вместе с Борей*). Добрый день, господа! Простите за беспокойство! (*Целует ручки хозяйки дома и Розалии Семеновны, щелкает каблуками, здороваясь с Бирюлькиным и Нюрой; с виду это породистый, чуть-чуть потасканный мужчина, на нем элегантная броская полосатая пижама, которая ему очень идет.*) Je ne voulais pas m'introduire¹, но monsieur Борис так настаивал! (*Хлопая его по плечу.*) Хотел, видно, похвастаться военной формой. Ну, что же: отдаю дань восхищения! Тем более, что она сейчас крайне кстати: пахнет военной грозой и, как только Франция заключит мир с Совдепией...

Бирюлькин (*перебивая*). Но что же это будет, если вспыхнет война? Боря, стало быть, как французский солдат станет сражаться в союзе с большевиками?!

Боря. Почему с “большевиками”? В союзе с русскими, для которых Гитлер такой же враг, как и для всех культурных людей!

Бирюлькин (*прохаживаясь нервно по комнате*). Да, да, рассказывай! Для тебя что русские, что большевики — все едино! Распропагандировали мальчика! А для нас, брат, здесь такая разница, что и сказать нельзя!

Боря (*волнуясь*). Но как ая разница?

Адлер (*мягко, но назидательно*). А такая, что большевики и нужны французам как союзники против Германии, а русские лишь как шоферы, сторожа на их складах, судомойки, балалаечники и просто как их слуги и чернорабочие! Мы для французов только лишние рты, которые они кормят из милости!..

Боря (*горячо*). Неправда! И грешно судить так о людях, давших приют стольким эмигрантам всех стран и народов: и красным, и белым, и религиозным сектантам, и политическим изгнанникам! Франция совсем не такая богатая, чтобы всех прокормить за свой счет! Но... назовите другое государство, где бы терпимость к политическим взглядам была так беспредельна!

Бирюлькин (*махнув рукой*). Распропагандировали мальчика!.. Теперь ничем не выбьешь дурь из его головы!

Нюра (*пунцовая от волнения*). А по-моему, Борис прав!.. Я тоже русская, но очень люблю Францию qui est tellement hospitalière!⁴

Боря. Вышел декрет, чтобы после службы во французской армии эмигрантам давали французское гражданство⁵. Мне это, конечно, не нужно: я хочу в Россию! Но все же такое обещание логично и благородно!

Адлер. Во всяком случае, заманчиво! С этим я согласен! А то жить эмигрантом, то есть считаться “гражданином второго сорта”, безусловно, унизительно! “Эмигранты” — это что-то вроде “туземцев” в колониях после завоевания их европейцами. Какой-нибудь лавочник, обсчитывающий вас на сантимах, и тот, чуть что, готов обручать вас “sal étranger”. Конечно, “славянская душа” все сносит со смиреньем! Но я — простите — из балтийских баронов! И мне чуждо это смирение перед превратностью жизни!

Боря. Так натурализуйтесь! Кто вам мешает?

Адлер. Это не так просто для обыкновенных смертных! Вам хорошо: вас призвали на военную службу!

София Игнатьевна. Вот уж не думала, рожая Боречку, что из него француза сделают! Еще, того гляди, в католичество обратят! Здесь уж такие церкви открылись, вроде униатских: мол, то же православие, только под начальством римского папы и с субсидиями для неимущих⁶!

Розалия Семеновна (*вздыхая*). Да! Трудно приходится эмигрантам! Но, с другой стороны, сами хотели...

Адлер. Не всем трудно, Розалия Семеновна! Вон наша хозяйка ресторана, так та такие деньги загребает, что и автомобиль завела, и виллу купила, и вообще не стесняется! (*Обращаясь к Нюре.*) Кстати, вы до которого часа в балетной школе? До шести?

Нюра. А что?

Адлер. Я как раз буду в ваших краях: хозяйка поручения мне надавала. Могу отвезти вас домой на машине! Хотите?

Розалия Семеновна. Олимпиада Платоновна в вас влюблена, мне сказали!

Адлер (*смеясь*). Все хозяйки ресторанов влюблены в своих управляющих или метрдотелей. Так уж водится с испокон веков!..

Все посмеиваются.

Марфа (*входит, затыхавшись, из средних дверей; это кряжистая, типично русская женщина, лет 60, с не Бог весть какими красивыми, но симпатичными чертами лица, опрятно одетая в поношенное “европейское” платье; говорит “по-деревенски”, слегка на “о”, не без труда выговаривая*

¹ Метрдотель. (Фр.)

² Это благородно, честное слово. (Фр.)

³ Я не хотел вмешиваться. (Фр.)

⁴ Которая так гостеприимна! (Фр.)

⁵ Такой указ действительно был: всем русским, кто участвовал в Соппротивлении, предоставлялось французское гражданство.

⁶ В XX в. во Франции были (есть и сейчас) так называемые греко-католики (униаты), то есть те, которые служили по московскому обряду, но подчинялись Римскому Папе.

французские слова). Вот газеты!.. Ну и времена! Еле достала, потому как рвут у газетчиков с руками! Кричат: “Пакт де нон-агрессиион!”¹, что-то случилось будто между Германией и Советами!.. *(Раздает газеты: Бирюлькину “Matin”², Боре “L’Humanité” и Адлеру — “Action Française”³.)* Французы, говорят, оконфузились, потому как сюрприз неожиданный и никто того не ожидал!

Бирюлькин *(развертывая газету)*. Что она плетет такое? Какой там “пакт де нон-агрессиион”?

Марфа. “Синьятур”⁴, — говорят! Дело сделанное! И без французов, глянь, обошлись!

София Игнатьевна *(в полном недоумении)*. Как “обошлись”? Кто обошелся?

Марфа. Германия эта самая!

Розалия Семеновна *(нервно смеясь)*. Это становится интересным!

Бирюлькин *(жадно читая)*. Нда-с!.. Это, я вам доложу...

Адлер *(отрываясь от газеты)*. Дело приняло совсем другой оборот!

Розалия Семеновна. Но какой? Какой?

Адлер. Переговоры с Францией и Великобританией прерваны, и СССР заключил пакт о ненападении с Германией. Можно ждать теперь войны с минуты на минуту! По крайней мере, так смотрит на дело “Action Française”.

Боря *(показывая на свою газету)*. А “L’Humanité” смотрит прямо противоположно: Россия, договорившись с Германией, представят вместе такую силу, что никто не посмеет их тронуть.

Бирюлькин. Чепуха! Англия никогда не допустит, чтобы они процветали в согласии! *(Показывая на свою газету)*. Мой “Matin” лучше всех понимает угрозу, потому что... *(Читает быстро газету)*. “Il est certain que le Reich retablira ses frontières est de 1914 et l’URSS rentrera en possession des territoires polonais habités par les Blanc-Russes et les Ukrainiens”⁵... То есть и Россия, и Германия таким образом укрепятся! А для Англии это нож вострый!

Боря *(тыча пальцем в свою газету)*. Но это скорей вина Франции в данном случае! Потому что у России отняли все балтийские “лимитрофы”, отрезали Вольту, забрали Бессарабию, и когда СССР потребовал назад с вои земли, ему сказали “нельзя”, забыв, что русские спасли ту же Францию от разгрома!

Адлер. Это ваше “L’Humanité” пишет, а в “Action Française” говорится, что большевики хотят Дарданеллы и выход к морю! Оттого переговоры и сорвались.

София Игнатьевна *(слегка ошеломленная новостями)*. К какому морю?

Бирюлькин *(зло иронизируя)*. Вообще к морю. России тесно, видите ли, на своих просторах!.. Сама же отдала япощкам Охотское море для рыбной лов-

ли, а теперь — подай ей Средиземное! Это для чего же, спрашивается? Чтоб сардинки ловить у итальянского побережья?.. Нет-с, господа, им нужны не сардинки, а красные караси, которые ловятся в мутной воде! А это уж угроза всей Европе, которую омывает Средиземное море! Поняли?

Марфа *(запуганная)*. Так что же делать-то теперь? Опять бежать?

София Игнатьевна *(посмеиваясь)*. Нет, милая! Коли так обстоит дело, так никуда уж не убежишь!..

Марфа *крестится*.

Адлер. Всего ожидал, но не этого!.. Бедная Польша! Вот кого раздавят в первую очередь!

Боря *(взглянув на часы)*. Сама виновата!

Розалия Семеновна. Почему?

Боря. Потому что отказалась, в случае войны с Германией, пропустить советские войска через свою территорию!

София Игнатьевна. Ох уж этот “гонор польский”! “Не позволяю”, и кончен бал!

Боря *(встает, засовывая “L’Humanité” в карман)*. Ну, мне пора! А то опоздаю!.. *(Кланяется всем.)* До свидания! *(Уходит в среднюю дверь.)*

Бирюлькин *(смотря на часы)*. Да и мне уже на службу...

Адлер *(перебивая)*. Разрешите, — я зайду потом обменять свою газету на вашу?

Бирюлькин. Сделайте одолжение!..

Адлер *расшаркивается перед дамами и подает руку Бирюлькину, которую тот задерживает*.

Знаете, что мне приходит в голову?.. В СССР реалисты и практики! Там сразу сообразили, на чьей стороне сила! Там донкихотов не ищите-с! Это мы с Врангелем и Деникиным были донкихотами, а под властью Сталина и Молотова их не водится. И в этом Франции придется убедиться самым жестоким образом!

София Игнатьевна *(возвращаясь слева, с пиджаком для мужа)*. Смотри, Панкратий, опоздаешь на службу! Давно уже время! А он держит человека за пуговилу и разлагольствует!

Бирюлькин. Иду, иду!.. *(Переодевается в пиджак, забирает портфель и засовывает туда торопливо газету.)*

Адлер. До скорого!.. *(Уходит в среднюю дверь, за ним Марфа.)*

София Игнатьевна *(мужу)*. Оставь мне газету! Я почитаю.

Бирюлькин *(торжествуя)*. Ага! Проняло голубушку! То “не до газет”, а как войной запахло, так “я почитаю”! О, женщины!.. *(Передает жене газету и уходит, сопровождаемый ею.)*

Розалия Семеновна *(Нюре)*. Хочешь

¹ “Пакт о ненападении!” *(Фр.)* Имеется в виду договор о ненападении между Германией и СССР, известный как “Пакт Молотова-Риббентропа”.

² “Утро”. *(Фр.)*

³ “Французское дело”. *(Фр.)*

⁴ От signature *(фр.)* — подписание.

⁵ Совершенно очевидно, что Рейх восстановит свои восточные границы 1914 года, а СССР вернет себе польские территории, заселенные белорусами и украинцами... *(Фр.)*

заниматься, не теряя времени?

Нюра (встает; за нею мать). *Mais bien sûr!*
Обе отодвигают стол и стулья к стене.

Когда я утром не делаю экзерсис, я потом в школе...
*je ne me sens pas à mon aise*².

Розалия Семеновна (садится за пианино и раскрывает ноты на тюмпуре). Вчерашний экзерсис? То же самое?

Нюра. Да. (Сбрасывает с себя пеньюар, чтоб очутиться в рететиционном балетном платье.) Поставь только метроном для ритма! Ведь это *gymnastique rien de plus*³!

Розалия Семеновна исполняет ее просьбу и играет под мерное тиканье метронома мелодичный экзерсис. Нюра, держась рукой за спинку стула, как за "балетную палку", прилежно продельвает хореографические упражнения: приседает, делает батманы и пр.

София Игнатьевна (входя). Простите, что вторгаюсь! Забыла с этими газетами о спешном заказе: манто надо переделать, а манекен в починке! Нельзя ли на вас примерить, Розалия Семеновна?

Розалия Семеновна. Ради Бога! Всегда рада помочь. Я только сейчас доиграю!

София Игнатьевна. Спасибо!.. (Уходит.)

Розалия Семеновна доигрывает прерванный экзерсис и приводит в порядок ноты.

А Боря на тебя очень заглядывается...

В передней слышен звонок.

Вот бы из вас вышла пара!

Нюра (повторяя упражнения под метроном, который продолжает отбивать такт). Но он не ухаживает!..

Розалия Семеновна. Неправда! Он просто

чересчур деликатен.

Нюра. Гм... Когда человек любит, зачем ему "деликатность"?

Розалия Семеновна. Затем, что он из хорошей семьи! А вы привыкли в Париже, что едва познакомятся, как уже облапчивают друг друга и целуют взасос! Ты — русская и должна себя соблюдать!.. (Уходит, почти столкнувшись на пороге двери с Адлером, держащим газету.) Ах, Петр Альбертович?

Адлер. Забегал обменяться газетами! Панкратий Ильич обещал...

Розалия Семеновна. Сейчас принесу! Газета у Софьи Игнатьевны... (Уходит.)

Пауза. Слышен только стук метронома.

Адлер (вкрадчиво). Сегодня в нашем ресторане настоящие пожарские котлеты, какие вы кушали в прошлый раз...

Нюра (продолжая свои экзерсисы). Я тогда имела время...

Адлер (обернувшись опасливо). А на сладкое — ваши любимые трубочки со взбитыми сливками.

Нюра. Я сегодня... занята.

Адлер. Как угодно!

Нюра. Мне в *Opera comique*⁴ надо заменить одну из *corps de ballet*⁵.

Адлер. Жаль!

Нюра. Elle est souffrante: у нее *temperature*⁶.

Адлер (торопливо и страстно). Как хотите! А только повторю: настоящие пожарские котлеты...

Нюра (колеблясь). Я, право, не знаю...

Адлер. ...и трубочки со взбитыми сливками.

Входит Розалия Семеновна с газетой.

Действие 2

"Post d'essence" (станция с горючим для автомобилей), в километрах ста от Парижа, по дороге в Орлеан. Прямо перед зрителями — оштукатуренная стена, на которой несколько плакатов: "Graissage Mobiloil", "Shell" и др. Почти у самой рамы — насос для подачи бензина ("газолина") подъезжающим автомобилям. Он их больше не обслуживает за недостатком горючего, о чем корявым почерком, на белом листе картона оповещает надпись.

Этот небольшой "Post d'essence" служит в данный момент чем-то вроде убежища для путешественников, ставших жертвами неисправности своих машин. Тут собрались утомленные дорогой беженцы из Парижа, спасающиеся от гитлеровских полчищ и вражеских эскадрилий авионосов.

Среди беженцев — Панкратий Ильич Бирюлькин, его жена, их прислуга Марфа, их жиличка Пащенко и сосед Адлер. Все они одеты по-дорожному, с сумочками на плечах, или "рюкзаками", с чемоданчиками в руках и с серыми (мышинного цвета) футлярами, содержащими "антигазовые маски". Около беженцев — несколько больших чемоданов, на которые они то и дело присаживаются, потом встают, уходят, возвращаются, подтягивают на них от нечего делать ремни и перемещают их соответственно их расстроенным соображениям.

При поднятии занавеса невдалеке раздаются оглушительные взрывы и шум низко пролетающих аэропланов. Все забравшиеся на этот "Post d'essence" мгновенно вынимают "антигазовые маски" из футляров и напяливают их на головы.

Слева вбегает Олимпиада Платоновна Окунева (де Окунефф), одетая по журналу спортивных мод в броский ансамбль и кажущаяся, по сравнению с другими, хладнокровной. Это довольно привлекательная наружностью женщина лет 35, крайне самоуверенная в манере держать себя, с вульгарно-вызывающим тоном речи, но боящаяся казаться экстравагантной.

¹ Конечно! (Фр.)

² Чувствую себя не в своей тарелке. (Фр.)

³ Гимнастика, и больше ничего! (Фр.)

⁴ Комическая опера. (Фр.)

⁵ Из кордебалета. (Фр.)

⁶ Она больна, у нее температура. (Фр.)

Окунева (*лишь притих шум бомбардировки, обращается к Адлеру и другим*). Пронесло!.. И все в ту сторону, к югу! Летят стремглав, чуть не задевая крыши деревни!.. Прямо по пятам преследуют!.. А здешние войска спасаются в таком аллегро-удирато, что не приведи Господи!..

Все понемногу снимают с себя предохранительные маски.

Розалия Семеновна (*слегка подобострастно*). И как вы не боитесь, Олимпиада Платоновна? Я на вас прямо дивлюсь!

Окунева. А чего мне бояться? “Двум смертям не бывать, а одной не миновать”. Вы думаете, этот “Post d’essence” вас спасет в случае бомбежки?! Черта с два! Вы же не настолько наивны!

София Игнатьевна (*убежденно, побеждая робость*). И все же, как-никак, а прикройте!

Окунева (*иронично*). От чего? От взоров летчиков или от их бомб?..

Марфа. Прямо светопреставленья! И кто бы подумал, что можно гоняться так за людьми, словно коршуны за курами!.. Где ж это видано?.. Нешто мы — военные? Мы же не сражаемся с ними!

Бирюлькин (*Марфе*). Ну, вот ты им это и объясни!

Адлер (*кривя губы*). Да и никто уже не сражается! Они — та необоримая сила, которой разумнее поклоняться, чем оказывать сопротивление. (*Многозначительно*.) Это “Wehrmacht”¹. Французы читали об этой силе в газетах, но не представляли себе должным образом, что это такое!

Бирюлькин (*слегка заикаясь от волнения*). И вот пришла расплата! Пресловутая “линия Мажино” прорвана! В каких-то три недели солдаты Гитлера овладели Реймсом, перешли Сену, очутились у подступов Парижа и обратили в бегство не только войска, но и само правительство Рейно² и компании! Больше двух миллионов бежит, сломя голову, спасая свою шкуру! Нечто вроде “исхода евреев из Египта”. Да и тех заткнули, пожалуй, за пояс!..

Окунева (*закуривая папиросу*). Все было бы ничего, если б не эта порча руля у автомобиля! Потому что мы здесь “в чужом пиру — похмелье”!

Адлер (*вскакивая*). Он все еще не починен?!

Окунева. А как его починишь, если стержень сломался?.. Нда-с, хорошего шофера вы мне наняли, одно могу сказать!

Адлер. Мне рекомендовали его в “Воинском Союзе”. Вы хотели русского.

Бирюлькин (*изнемогая от черных мыслей*). Что же дальше с нами будет?!

Окунева. Будете жить пока на моей вилле!

Бирюлькин (*почти в испуге*). Это на Средиземном-то море-с?! Благодарю покорно! Три дня тому назад Италия объявила войну Франции и, значит, что же?.. Из огня да в полымя?.. Ведь берег

Côte d’Azur³, наверно, уже занят итальяшками!

Окунева (*бравируя*). Ну, здесь тогда зазимуем?.. Тем более что без послушного руля никуда в auto⁴ не умчишься!..

Снова нарастает шум аэропланов, и слышен грохот разрывающихся снарядов. Все, кроме Окуневой, хватаются панически за “антигазовые маски” и дрожащими руками напяливают их на головы.

Окунева (*напрягая голос, чтоб его слышно было за военным грохотом*). Господа, не поддавайтесь панике! Колонны войск бегут не по тракту, а по проселочной дороге! Значит, преследующие их “Messerschmitt’ы” минуют нас боком и нечего праздновать труса!

Розалия Семеновна (*снимая маску*). Ну и храбрая же вы, Олимпиада Платоновна!

Окунева (*красуясь*). Вся в папеньку. Папенька, генерал, не выносил малодушия. Он, бывало, если даст по шее солдату, так тот и вида не смей показывать! “Смотри веселей”! И никаких сантиментов! Очень следил, чтобы у всех было бодрое настроение. И я в папеньку! Оттого и в моем ресторане дела не закисают! Правда, Петр Альбертович?

Адлер (*смеясь*). Так точно, ваше превосходительство!..

Слева появляется бедно одетая пожилая Женщина, везущая в колясочке ребенка, и ковьялющий Старик с такими же обезумевшими глазами, как и его ступница. Все невольно притихают, повернув головы к этому “видению Гоий”. Женщина, склонившись над ребенком, напевает вполголоса колыбельную: “Do-a-o. L’enfant do! L’enfant dormira bientôt”⁵.

Бирюлькин (*заглядывает в колясочку и отшатывается*). Да там мертвый ребенок!.. Мертвый!..

София Игнатьевна (*Женщине, катающей ребенка*). A quoi bon vous le promenez comme ça? Où voulez-vous l’emmener?⁶

Женщина замолкает.

Бирюлькин (*кричит нервозно, вытирая лоб платком*). Прямо нечто апокалипсическое! Война свела людей с ума!..

София Игнатьевна (*морщась*). Да не визжи ты ради Бога! И так нервы издерганы!.. (*Пауза*.) Где мы находимся? Далеко от Парижа?..

Женщина с колясочкой и Старик начинают в нерешительности пятиться назад и вскоре исчезают.

Нюра (*вслед Женщине с колясочкой*). И как она сюда попала?.. Ведь мы же в стороне от grand mouvement!⁷

Адлер (*отвечая Софии Игнатьевне*). До Парижа километров восемьдесят. Вдали уже виднеются крыши Шапель-де-Рэн.

София Игнатьевна. А как зовется дере-

¹ Вермахт. (*Нем.*)

² Правительство П. Рейно было сформировано 21 марта 1940 г. после отставки Э. Даладье.

³ Лазурный Берег. (*Фр.*)

⁴ Авто. (*Фр.*)

⁵ Баю-бай, баю-бай! Поскорее засыпай. (*Фр.*)

⁶ Что ж вы с ним так гуляете? Куда вы его везете? (*Фр.*)

⁷ От основного потока. (*Фр.*)

вушка, что возле нас?

Адлер. А Бог ее знает! Все равно она нам бесполезна: бегущая лавина, как саранча, пожрала все на пути.

Окунева. А сейчас попросила воды; знаете, сколько за стакан запросили? Десять франчей. Вот как Бог свят!

Марфа (*крестится*). Прямо светопреставление!.. Что ж это с нами будет, Боже праведный?

Бирюлькин (*запекшимися губами*). Перестреляют с высоты, как куропаток, вот и все!.. Помните, что говорится о “железных птицах” в Апокалипсисе? Эта книжечка не напрасно написана.

София Игнатьевна (*раздраженно*). Да брось ты свой Апокалипсис! Заладил, ей Богу, как попугай какой!.. (*Сокрушаясь*.) Где-то сейчас Боречка?.. Жив ли, родимый? (*Вытирает слезы*.)

Нюра (*Адлеру*). Вы все восторгаетесь немцами... А что хорошего — нападать на мирных жителей?!

Адлер. Сейчас тоталитарная война, мадемуазель! О “мирных жителей” не может быть и речи! Воюет весь народ.

Нюра. Но я, например, не воюю!

Адлер (*улыбаясь*). Это вам только кажется! Вы лучше за французов и готовы помочь им чем угодно!

Нюра (*с кривой улыбкой*). Но чем я могу им помочь?!

Адлер (*прищурив глаза*). А кто хотел записаться в сестры милосердия?

Нюра (*пожимая плечами*). Это не значит участвовать в войне.

Адлер. Нет, дорогая! Способствуя выздоровлению врагов Германии, вы тем самым воюете на стороне французов!

Нюра (*недоуменно*). Quelle drôle d'idée! Quelle drôle de guerre!¹

Слева входит измученный на вид Беженец, с запяленной мотоциклеткой, нагруженной всевозможной поклажей.

Беженец (*сняв кепи и протирая очки*). Est-ce qu'il y a un peu d'essence?²

Адлер. Pas une goutte³.

Беженец. Je m'attendais⁴. (*Удаляется*.)

Адлер (*ко всем*). Вот наивность! Вообразить, что при таком повальном бегстве здесь осталась еще капля горячего!

Бирюлькин (*машинально*). Война свела людей с ума: наступили времена Апокалипсиса!

София Игнатьевна (*ему, чуть не грозя пальцем*). Опять?!

Снова слышатся взрывы и шум аэропланов, но сравнительно с предыдущими в более слабой степени. Вновь почти все хватаются за “антигазовые маски”.

Окунева (*ободряющим тоном*). Да бросьте, господа, хвататься за маски! Этот “маскарад” все равно не спасет вас от газовой атаки, так как химики нашли в них какой-то изъян. А во-вторых, вспомните, что еще ни разу — за все время войны — немцы не прибегли к газовой атаке!

Адлер. Мы имеем дело с культурным врагом, а не с варварами!

Розалия Семеновна. Так зачем же нас правительство обязало покупать эти самые маски?!

Бирюлькин. Спекуляция! Вернее — шантажная афера! Я хочу сказать: узаконенное вымогательство.

Розалия Семеновна. Как так?!

Бирюлькин. А очень просто: какая-то фабрика, дав взятку, выключила монополию на эти самые маски! И вот считайте: во Франции сорок миллионов жителей; сделать такую маску стоит грош ломаный; продавали их под воздействием полиции по двадцать шесть франков. Вот вам сразу восемьсот миллионов наживи!

Окунева (*махнув рукой*). И все так во Франции, с этим “Front Populaire”⁵.

Бирюлькин. То же самое с танками крупных размеров. Почему их не оказалось в наличности? Потому что фабриканты грузовых автомобилей не хотели перестраивать ворота своих фабрик, чтобы крупные танки могли выехать. Подкупили кого следует, — их и оставили в покое. А в результате: фронт Гамелена⁶ прорван, фронт Вейгана⁷ прорван, правительство бежало в Тур, генеральный штаб очутился в Бриаре⁸, а мы с вами — на бензиновой станции, где нет ни капли бензина...

Вновь слышится вдали шум аэропланов и словно пушечные выстрелы.

Марфа (*прислушавшись*). Никак это наши стреляют?

Бирюлькин (*придирчивым тоном*). Кто это “наши”? Французы, англичане или русские, что с немцами “в обнимку” летают?.. Надо выражаться точнее!

Окунева (*Адлеру*). Пойдем посмотреть! (*Уходит налево, в сопровождении Адлера*.)

Бирюлькин (*передразнивая Марфу*). “Наши”!..

¹ Какая дикая мысль! Какая дикая война! (*Фр.*)

² Есть ли хоть немного бензина? (*Фр.*)

³ Ни капли. (*Фр.*)

⁴ А я-то надеялся. (*Фр.*)

⁵ Народным фронтом. (*Фр.*) “Народный фронт” — союз левых политических организаций, в том числе Французской коммунистической партии, Социалистической и Радикальной партий, существовавший во Франции в период между мировыми войнами. Выиграл в мае 1936 г. выборы в законодательные органы. Под его влиянием были приняты законы о повышении заработной платы рабочим, о введении 40-часовой рабочей недели, были запрещены фашистские организации.

⁶ Гамелен Морис Гюстав (1872—1958) — генерал французской армии. С 3 сентября 1939 г. по 19 мая 1940 г. главнокомандующий союзными войсками во Франции.

⁷ Вейган Максим (1867—1965) — генерал французской армии. С 1937 г. вместе с А. Петеном был одним из организаторов нацистского движения кагуляров. С 19 мая 1940 г. верховный главнокомандующий, один из инициаторов капитуляции Франции перед нацистской Германией в августе 1940 г.

⁸ 11 июня 1940 г. французское правительство покинуло Париж; немецкая армия заняла город 14 июня.

Теперь слово “наши” очень неопределенное понятие. И бросаться им на ветер — грех!

Марфа (*сконфуженная*). Я это так сказала.

Бирюлькин (*ехидничает*). “Так сказала”!.. Все вы “так” говорите, — безо всякой ответственности! Да и власть имущие привыкли здесь зря болтать, оттого Франция и проиграла войну.

София Игнатьевна. Еще не проиграла: у нее резервы!

Бирюлькин. Черта с два! Были бы резервы, Англия не бросила бы Францию в Дюнкерке! И Бельгия не бросила бы, взяв пример с Англии! Соведения тоже не бросила бы, будь Франция стоворчивее с Дарданеллами! А так все ее бросили и нас с ней за компанию. Не хватает только, чтоб Всевышний нас бросил на произвол судьбы! Тогда поистине получится картина, достойная кисти Айвазовского!

София Игнатьевна (*зевает, крестя рот*). Ох-хохо!.. Закусить, что ли! Нельзя не емши все эти невзгоды переносить! Надо набраться сил! Мне не восемнадцать лет! (*Мужу.*) Помогите-ка чемоданы составить: будет трапеза!

Нюра (*бодрясь*). А мне хоть восемнадцать лет, а тоже кушать хочется. Маман, давай присоединяться!

Розалия Семеновна (*распаковывая свой чемодан*). Ну, что же, коли надо помирать, то пусть хоть не от голоду!..

Составив свои чемоданы с чемоданами Бирюлькиных, начинают, не торопясь, закусывать. Марфа подсаживается к дружной компании и, то и дело вставая, обслуживает всех, меняя ножи и вилки.

Бирюлькин (*намазывая хлеб маслом*). Нда-с! Вот уж никак не думал, что снова беженцем стану... (*С набитым ртом.*) Одно утешение: чуть не весь Париж бежит с нами!.. Всё смеялись над русскими: “Почему “рефюжье”, “беженец”? Мало места в l’URSS⁴? Ведь там степи и очень много свободы?” Подождите: придут сюда большевики: они вам покажут свободу!.. (*Передразнивая французев.*) “Les soviets partout! Les soviets partout!”⁵ Узнаете тогда “Кузькину мать”! Только она теперь “ГПУ” называется!

София Игнатьевна (*ему*). Да ешь ты, в самом деле! И как не надоеет человеку язык чесать!

Марфа (*после короткой паузы, обглядывая баранью кость и причмокивая*). Из России бежали на Украину; с Украины в Крым; из Крыма в Туречину; а потом к французам забрались. Думали — передышка! Ан вон оно что получается! Бежим да бежим, ажно дух захватывает! А между прочим куда, — неизвестно!

Бирюлькин (*добродушно*). Деревня ты деревня! Никакая Европа тебя не объевропит! Не сообража-

ешь, глупая, что такое “эмиграция”!

Марфа (*полуобидчиво*). И очень хорошо соображаю: эмиграция это чтобы жить в гостях у других, а только без их приглашения!.. А жить хорошо только дома, а не на чужих хлебах-продовольствии, чтоб язык коверкать по-ихнему. (*Сокрушенно.*) Боже ты, мой Боже!.. И куда это мы только ни бежали, — и по суше, и по морю, и речным транспортом, и всяким! (*Перекрестившись.*) Осталось теперь лишь до о м о й бежать, — больше некуда! Восвоясь, значит, на родину!

Бирюлькин. Какая там родина? Большевики говорят, что у пролетариата нет родины.

Марфа. Мало ли что говорят! А сами, небось, сидят у себя на родине, ни пред кем не одолажаются и едят с в о й хлеб, трудом-потом заработанный!

Бирюлькин (*опять почти визжит*). Но я не хочу такой родины! Я не признаю узурпаторов и не терплю насилия!

София Игнатьевна. Умоляю тебя: не визжи, а говори спокойно!

Бирюлькин. Я говорю спокойно!.. Марфа — необразованный человек, но и она должна понимать, что не для того я двадцать лет беженствовал, чтобы потом так себе, здорово живешь, признать СССР этот самый!

Марфа (*ему*). Слушайте, Панкратий Ильич, что я вам скажу такое! Жил на свете пьяница, который незаконничал сызмалетства, от полиции бегал и все кричал, что Бога не признает. Вот ему батюшка и говорит однажды: что ты, пьяная харя, не признаешь существование Бога, на это ему наплевать, многомилостивому! А вот если Он не признает т в о е существование, тогда берегись: тогда тебе крышка! Потому как некому будет тогда и пожаловаться!.. Вот так и с вами, Панкратий Ильич, может случиться: что вы не признаете Советскую Россию, на это ей наплевать! А вот ежели о н а вас признать не захочет, когда тоска по родине одолеет, плохо будет тогда ваше дело и некому будет пожаловаться!..

Слева входит с велосипедом доктор Ланской, одетый в полувоенный летний костюм, сильно загорелый, с повязкой Красного Креста на рукаве. Это высокий, спортивного вида мужчина, лет 40, с открытым обаятельным русским лицом, окаймленным густой бородой. Еще не войдя в помещение “Post d’essence”, он уже спрашивает подкупаящим баритоном.

Доктор Ланской. Est ce qu’il y a de malades? Pas de plaintes?⁶

Нюра (*привставая*). Non, non, tout va bien⁷.

София Игнатьевна (*радостно*). Господа!

¹ Группировка союзных войск, в которую входили французские, бельгийские и британские части, могла получить подкрепление только через порт Дюнкерк. Британское командование, решившее, что Францию уже не спасти, спешно эвакуировало через Дюнкерк свои войска (26 мая—3 июня 1940 г.).

² Король Бельгии Леопольд III 28 мая 1940 г. объявил о безоговорочной капитуляции перед Германией, открыв дорогу немецким дивизиям, которые начали наступление на оказавшиеся в западне англо-французские войска.

³ Во французских газетах бытовало мнение, что англо-франко-советский договор не был заключен, потому что СССР ставил условием подписания передачу ему контроля над проливом Дарданеллы.

⁴ СССР. (*Фр.*)

⁵ Советские повсюду! Советские повсюду! (*Фр.*)

⁶ Есть ли больные? Жалобы? (*Фр.*)

⁷ Нет, нет все в порядке. (*Фр.*)

Да ведь это Иван Иванович! (*Идет ему навстречу.*)

Бирюлькин (*удивленный*). Доктор Ланской?! Какими судьбами? (*Встает и вслед за женою здоровается с доктором.*) Обратились в бегство, как и мы, грешные? На велосипеде? Что это вас не видно было все последнее время?

Доктор Ланской (*пожимая Бирюлькиными руки*). А я здесь “на даче”! Живу в этих местах. (*Смеется.*) Моя “летняя резиденция”.

София Игнатьевна. Позвольте вас познакомиться! (*Знакомит доктора с Пащенко, матерью и дочерью.*) Вот счастливая встреча!.. А нас машина задержала: руль почему-то испортился. Садитесь, пожалуйста, закусить чем Бог послал!

Доктор Ланской (*смеясь*). Под градом бомб? Это оригинально!

Бирюлькин. A la guerre comme à la guerre¹.

Доктор Ланской (*Софии Игнатьевне*). А ваш автомобиль мы уже подлечили! Инструмент один затерялся! Но теперь нашли и мадам де Окуневф в полном восторге.

Нюра (*хлопая в ладоши*). Ну, значит, скоро поедем. Я никогда не была на Côte d’Azur.

София Игнатьевна (*угощая доктора*). Купайте, пожалуйста!.. Так вы уж познакомились с Олимпиадой Платоновной?

Розалия Семеновна. Как она вам понравилась?

София Игнатьевна. Она “патронша” русского ресторана “Chez les Boyards”.

Доктор Ланской. Вот как?.. То-то от нее так и пышет распорядительностью... Ну, а что нового в Париже? Правда ли, что при эвакуации русских детей оставили на произвол врага?

София Игнатьевна. Говорят, транспорта не хватило.

Доктор Ланской. Гм... “транспорт”... А чтобы мобилизовать их отцов, на это транспорта хватило?.. Какой кошмар!.. Когда вы уехали?

Розалия Семеновна. Тринадцатого июня, после обеда.

Доктор Ланской. Ого, какие храбрые!

София Игнатьевна. Мы не суеверны.

Доктор Ланской. Я не в том смысле! А в том, что ведь немцы могли уже войти в Париж!.. Я здесь совсем без газет. Какие новости?

Розалия Семеновна (*с иронией*). Самые сенсационные! Например, выход замуж дочери генерала Горта² — главнокомандующего великобританскими силами на континенте.

Доктор Ланской. А в чем же тут “сенсация”?

Розалия Семеновна. Ну, как же: в то время, как Франция истекает кровью, проигрывая сражения за сражением, главнокомандующий союзными войсками объявляет, что улетает в Лондон выдавать дочку замуж!

Доктор Ланской. Да, это здорово!

Бирюлькин. И хотят после этого выиграть вой-

ну!

Доктор Ланской (*озабоченно*). Да, — тут давай Бог ноги, а не то что победу!

Бирюлькин. А вы что же? “Инспекторскую поездку” предприняли? Помогаете здесь страждущим?

Доктор Ланской. Приходится!.. Стыдно врачу сидеть, сложа руки, когда кругом столько работы по его специальности!

София Игнатьевна (*угощая доктора*). Вот уж действительно, кто бы подумал...

Доктор Ланской (*перебивая*). А я объезжаю округ и вижу: какая-то простыня на крыше сушится. Это ваша простыня?

Бирюлькин (*конфузливо*). Это не простыня! Это белый флаг!.. Мы ведь не воюем с немцами! Ну вот и даем им знать о том посредством белого флага.

Розалия Семеновна (*доктору*). Простите, вы в действующей армии?

Доктор Ланской (*улыбаясь*). Увы!.. Она уже почти не действует.

Розалия Семеновна. Вы призваны как врач?

Доктор Ланской. Нет, я санитар-доброволец.

Розалия Семеновна. А почему не захотели врачом?

Доктор Ланской. Потому что Франция — единственная страна, где врачебная практика запрещена русским³.

Нюра. Mais pour quelle raison?⁴

Бирюлькин (*ядовито*). Боятся конкуренции!

Доктор Ланской. На дорогах Франции скопились миллионы беженцев — с детворой, стариками и беременными женщинами... А в Париже в это время сидит без дела полсотни русских врачей, которым несмотря ни на что запрещена практика.

Бирюлькин. Сумасшедший дом и больше ничего!

Доктор Ланской. Я, конечно, не выдержал и, сбросив спесь, стал простым санитаром! (*Вдруг хлопает себя по лбу.*) Господи! Что я за олух такой! Сижу, рассказываю о себе, а о главном ни слова: я же видел вашего Борю!

Все (*встрепенувшись, осыпают его вопросами, перебивая друг друга*). Борю?.. Где? Он отступает со всеми другими?.. Когда вы его видели? Где он сражается?

Доктор Ланской. Он уже не сражается: он выбыл из строя. Я наткнулся на него у дороги, ведущей к злешнему gardien champêtre⁵. Он отдыхал с двумя товарищами, перевязывавшими свои раны.

София Игнатьевна (*всхлипнув*). Он тоже ранен?

Доктор Ланской. Слегка. В ногу. Но кость

¹ На войне, как на войне. (*Фр.*)

² Горт Джон Стендиш Сергис Предергаст Веркер. С сентября 1939 г. по май 1940 г. командующий британским экспедиционным корпусом во Франции.

³ Во Франции заниматься врачебной практикой могли лишь те эмигранты, кто получил медицинское образование во Франции; русским врачам-эмигрантам официально разрешалось лечить русских пациентов.

⁴ Но почему? (*Фр.*)

⁵ Сельскому полицейскому. (*Фр.*)

цела, и сухожилие не задето.

София Игнатьевна, Марфа и Нюра заливаются слезами. Что вы, медамы?.. Надо радоваться, что не убили! Ведь на войне это удача, когда пуля ранит, а не убивает! (*Пауза.*) Да и рана у него неглубокая!

София Игнатьевна (*унимая плач*). Где вы его оставили?

Доктор Ланской. В надежном месте, не бойтесь!.. У меня лесник тут знакомый; так у него такое “бомбоубежище”, каких и в Париже не сыщешь!

Нюра (*в любовном порыве*). А можно нам к нему? Я хочу его видеть. Мне надо ему говорить... Это о ч е н ь важно. Я все боялась ему сказать! Ведь никто не знает, — мы встретимся, а может быть, нет!

Доктор Ланской (*тронутый ее порывом*). Рад служить, только пробраться туда небезопасно. Дайте срок! Промчатся немцы на юг, и мы тогда сообразуемся с обстоятельствами! А пока...

Окунева (*входя слева с Адлером, в отличном расположении духа*). ...а пока я вижу, здесь не теряют даром времени!.. И уже “сообразуются с обстоятельствами”, ибо “голод не тетка”!

Адлер. Молодцы!.. Вот что значит “неунывающие россияне”! (*Смеется.*)

Окунева (*достав дорожный сак и извлекая из него свестное и бутылку портвейна*). Надо взять с них пример! В конце концов, чем мы хуже других? Правда, Петр Альбертович?.. (*Присаживаясь на один из чемоданов, обращается ко всей компании.*) Вы как, господа, насчет портвейна? Или хотите сначала джином обжечься? Петр Альбертович, где у нас джин?

Адлер. Сию секунду!.. (*Достает из “рюкзака” бутылку джина и металлические чарки.*)

Бирюлькин (*Окуневой*). Ну, как там? Как будто приутихло?

Окунева. Волна беженцев явно спадает... Остались одинокие бродяги...

Бирюлькин (*опасливо*). Бродяги?

Окунева. Ну, “клошары”, если это понятнее!..

Бирюлькин. Так надо быть начеку! Полиции и след простыл!

Адлер (*откупоривая с шиком бутылки и потчюя друзей*). У нас револьверы! И немцы уж не за горами!

София Игнатьевна. Но они еще страшнее!

Адлер. Вздор! Я в случае чего сумею с ними поговориться! Я ведь немецкого происхождения и бывший офицер.

Бирюлькин (*трусливо*). А все ж не лучше ль, не теряя времени... Ведь руль уже исправлен!

Адлер. Нет, там еще возни минут на двадцать. Да вы не беспокойтесь: успеем укатить!

Розалия Семеновна (*хватая за руку Окуневу*). Господи! Что бы мы делали без вашего автомобиля! Страшно подумать!.. (*В припадке чувствительности целует ей руку.*)

Бирюлькин (*Окуневой*). Вы знаете, сколько зало-

мил с нас “такси”, чтоб довести до Ниццы? Пять тысяч франков!.. И еще русский шофер!.. Вот и любите после этого соотечественников!

София Игнатьевна (*вздыхая*). Есть, конечно, и среди них хорошие! Зато сколько эгоистов, доносчиков и служащих в полиции — сосчитать невозможно. И у каждого свое собственное понимание патриотизма!

Бирюлькин. Сказано: где двое русских сцепятся в политическом споре, там сразу три партии образуются и все четверо норовят утопить друг друга!

Доктор Ланской (*с хмурой улыбкой*). Ну, уж вы и скажете! Нельзя всех мазать одной краской, голубчик! Вы страшный пессимист!

Бирюлькин (*не без пафоса*).

“Кто в сорок лет не пессимист,

А в пятьдесят не мизантроп,

Тот, может быть, душой и чист,

Но идиотом ляжет в гроб”.

Доктор Ланской (*смеясь*). Спасибо за комплимент!

Адлер (*ему, серьезно*). Но, кроме шуток, разве вы не слыхали сколько русских было схвачено при эвакуации Парижа? И все по доносам своих же соотечественников!.. Теперь бедняги кормят блох в лагере дю Верне¹. У меня там два приятеля — сидят за то, что жили раньше в Германии.

Марфа. Дайте срок: “отольются кошке мышьиные слезки”!

Бирюлькин (*ей*). Кто ж это “кошка”, по-твоему?

Марфа. Известно кто: за граница эта самая! Лишь бы ей было выгодно, а Россия хоть пропадом пропади!

Бирюлькин (*свысока посмеиваясь*). Вот у кого политике поучиться! (*Окуневой.*) Что вы скажете? (*Ланскому.*) Она у нас большевичка! (*Чокается со всеми и пьет.*)

Марфа (*конфузливо*). И вовсе не большевичка! А что за правду стою, так это сам Бог велел.

София Игнатьевна (*поджав губы*). Когда-нибудь да кончится это измывательство над Россией.

Доктор Ланской. Давно пора.

Окунева (*подливая себе портвейну*). Оно бы и не началось, сохранись у нас старый строй! А как начались всевозможные поблажки революции, мы и стали проигрывать войны: и русско-японскую проиграли, и русско-немецкую, и русско-английскую, — все!

Бирюлькин (*перебивая учтиво*). Простите, такой войны не было!

Окунева (*в хмельном азарте*). Русско-английской?.. А когда у нас Трапезунт отобрали² и в Батуми англичане засели³, — это что же, по-ваше-

¹ После заключения советско-германского пакта о ненападении, на волне общей ксенофобии большое количество русских, попавших под подозрение французского правительства, было интернировано в концентрационном лагере в Верне.

² Трапезунд — город на северо-востоке Турции, значительную часть населения которого составляли армяне. В 1895—1896 гг. произошла массовая резня армянского населения. По Севрскому мирному договору (1920) Трапезунд должен был отойти к Республике Армения, однако этого не произошло.

³ В начале 1920 г. решением Верховного Совета Антанты г. Батуми был объявлен свободным, так называемым “порто-франко”, а Батуми и приморская область Аджарии — территорией под покровительством Лиги Наций с размещением там войск Великобритании, Франции и Италии.

му, было?

Бирюлькин. Ну-у! Это — эпизод!.. (Допивает залом свой бокал.)

Окунева. Хорош “эпизод”! У меня в Батуми два чемодана слязмили на таможене, и я еле в Константинополь попала! Не-ет! Я монархистка: нужна твердая власть! И если б мой папенька жив был, — он бы сразу запретил все эти крамольные партии и все это безобразие, что революцией называется.

Доктор Ланской (еле сдерживая смех). Виноват: я не вполне понимаю, — как же так ваш батюшка “запретил” бы революцию?

Окунева (с набитым ртом). А очень просто: распорядился бы, чтобы не было уличных беспорядков, а виновных немедленно под арест! Вот и все. Папенька был очень строг в этом отношении! А главное, тут нужна была твердая власть.

Доктор Ланской (не унимаясь). Но если б дело только в этом заключалось, — вы не думаете, что царское правительство и без вашего папеньки преуспело б?

Окунева (не без торжества). Однако ж вот не преуспело!..

Все смеются. Слева слышен шум подъезжающего грузовика.

София Игнатьевна (тихим голосом, прерывая молчание). Смотрите!.. Никак немцы!.. Ей-богу, немцы!.. Куда ж нам деться?

Окунева (шитит, обернувшись к другим). Только не двигайтесь! Чтоб не навлечь подозрение!.. Улыбайтесь как ни в чем не бывало!

Марфа (крестится дрожащей рукой). Пропала моя головушка! Изнасилничают и умрешь не покайся!

Адлер (встает с напускным хладнокровием, одергивает свой костюм и поправляет прическу). Не волнуйтесь, Марфа! За себя вы можете быть совершенно спокойны!

Марфа. Как так “спокойны”, когда я девица?! Все притихают. Пауза. Слева входят два немецких солдата, в походной запыленной форме. Старший с нашивками прикладывает руку к козырьку и слегка пристукивает каблуками.

Старший солдат. Guten Tag, meine Herschaften!¹ (С сильным акцентом.) Je dois vous annoncer que die Oberkommando qui est entre en France, en tête des troupes, invite tous les ressortissants de Paris retourner à leur maisons!.. Il n’y a pas de militaires parmi vous?²

Молчание.

Je demande s’il n’y a pas de soldats de l’armée française parmi vous?³

Доктор Ланской (встает). Non, mon sergent, il n’y a que des civils!⁴

Марфа (Софии Игнатьевне). О чем они спрашивают? (Крестится.) Довел-таки Господь!

Адлер (подходя учтиво к солдатам, говорит на хорошем немецком языке). Guten Tag, mein Herr! Da sind ja nur Civilen!..⁵

Старший солдат. In diesem Falle alle sind einladen zurückzukehren!..⁶

Адлер. Ist aber Paris nicht miniert? Man sagte uns!..⁷

Старший солдат (улыбаясь). Nein, nein! Paris ist nicht mieniert und befindet sich schön unter der deutschen Verwaltung!..⁸

Адлер (слегка расшаркиваясь). Danke am besten!⁹ (Повернувшись к своей компании.) Господа, Париж занят немецкими войсками, и Oberkommander¹⁰ приглашает всех бежавших вернуться домой.

Бирюлькин (приходя в себя). Это как же понимать?.. Мы — военнопленные?.. (Старшему из немецких солдат.) Wir sind... Kriegsgefangene?¹¹

Старший солдат (улыбаясь). Auf keinerlei Weise, Sie sind ja doch Civilen! Und wenn Sie Schwierigkeit mit ihre Maschine erdulden, — bitte schon in unseren Wagen Platz nehmen!¹² (Прикладывает руку к каске и удаляется со своим сподручным.)

Бирюлькин (Адлеру). Простите, что он сказал?

Адлер. Приглашает подвезти на их грузовике, если наш автомобиль неисправен.

Бирюлькин (захлебываясь от восторга). Вот это джентльмены! Завоевать страну и тут же оказать гостеприимство ее жителям, перед этим можно только преклониться!

Адлер (затягивая ремни на чемодане Окуневой). Германия всегда была образцом культуры и дисциплины.

Бирюлькин (возясь со своим саквояжем). Недаром это страна Гете, Бетховена и вообще гуманизма!

София Игнатьевна (ему). Скорей, Панкратий Ильич! Не время разглагольствовать!.. Ну, куда ты тарелочку тычешь? Хочешь, чтобы разбилась?

Бирюлькин (огрызаясь). Ах, оставь меня со своими тарелками! Я сейчас думаю о философе

¹ Добрый день, господа! (Нем.)

² Должен объявить, что командование войсками во Франции приглашает всех покинувших Париж вернуться домой! Среди вас нет военных? (Фр.)

³ Я спрашиваю, нет ли среди вас солдат французской армии? (Фр.)

⁴ Нет, сержант, здесь только штатские. (Фр.)

⁵ Добрый день, господин! Здесь ведь только гражданские лица... (Нем.)

⁶ В этом случае всем предлагается вернуться... (Нем.)

⁷ Но ведь Париж заминирован? Нам сказали... (Нем.)

⁸ Нет, нет! Париж не заминирован и уже находится в руках немцев... (Нем.)

⁹ Премного благодарен! (Нем.)

¹⁰ Командование. (Нем.)

¹¹ Мы — военнопленные? (Нем.)

¹² Никоим образом! Вы же гражданские лица! А если вам было неприятно трястись в машине, то, пожалуйста, занимайте места в вагонах. (Нем.)

Канте, внушившем этим людям категорический императив¹, а она о тарелках заботится!

София Игнатъевна (*вырывая у мужа тарелку и ее упаковывая*). С ума сошел человек!

Бирюлькин (*в блаженном экстазе, подняв чемоданы, направляется вслед за женою, налево*). Идемте, господа! Завтра начинается новая жизнь!

Марфа (*ворчит, собирая пожитки*). “Новая жизнь”!.. То под французской опекой, теперь под

немецкой! Лишь бы не под русской! А уж чего бы натуральнее!

София Игнатъевна (*возвращаясь слева, кричит*). Марфа! Не забудьте простыню с крышки снять! Военные действия прекратились!.. (*Уходит.*)

Марфа. Ладно!.. (*Забирает поклажу.*) И когда это мьгарство проклятое кончится! Прямо сил больше нет! (*Уходит.*)

Действие 3

У Бирюлькиных. Та же декорация и расстановка мебели, что и в 1-м действии; единственная разница с ним: две большие карты на стене — Европы и России.

Утренний чай отит. Панкратий Ильич сидит в кресле и жадно читает “Парижский Вестник”². София Игнатъевна торопливо шьет. Марфа хочет унести самовар.

София Игнатъевна (*Марфе*). Подождите! Может жиличкам понадобится! Вот заспались, миленькие!

Марфа. Так сегодня ж воскресенье!

София Игнатъевна. Ах, Боже мой!.. Хотела пораньше к обедне сходить, а вот до чего заработалась!

Марфа. Вы и меня хотели с собой взять!

София Игнатъевна. Помню. Дай только кончу!

Марфа. ...потому как теперь, когда бомбы сыпятся с неба, — стоять в церкви суший подвиг и испытание Божие! Прошлый раз так палили, что думали батюшка приостановит службу. Ан нет; не уступил искушению: храбрый поп.

София Игнатъевна (*вздыхая*). И когда оно кончится — это наказание божеское? Добро бы немцы разрушали Францию! А то накоса: англичане и американцы — этого не доставало!

Марфа. Это они чтобы немцам насолить! Мне в булочной все объяснили.

София Игнатъевна (*с горькой усмешкой*). Будто от этого легче французам, кто без крова остался! Подумать страшно, что они у *Porte de Saint-Cloud*³ натворили!

Бирюлькин (*отрываясь от газеты*). Не скули! Скоро этому конец: у немцев идут самые серьезные приготовления к десанту!.. (*Тыча пальцем в газету.*) Опыты с кораблями-амфибиями дали потрясающие результаты: не сегодня-завтра немцы высадятся в Англии с востока, а с запада Ирландия ошетинится, благо у нее давнишние счеты с Великобританией.

Дай срок, и лорды запросят такого пардону, что стыдно на них будет смотреть! А потому будь уверена: дни Великобритании сочтены! Помяни мое слово: со-че-ны!

София Игнатъевна (*кривя губы*). Да кто их считал-то? Смотри, как бы снова ошибки не вышло!

Бирюлькин (*авторитетно*). Гитлер не ошибается: у него все предусмотрено! Это гений дальновидности!

София Игнатъевна. Какая ж это дальновидность — наших белых офицеров в концлагерь засадить? Нешто “врангелевцы” и “деникинцы”, не против “красных”⁴? Одно уж то, что они “белые”...

Бирюлькин (*перебивая*). Предосторожность!.. В наш “Воинский Союз”⁵ такие господа прятались, что держи ухо востро!.. Забыли про Плевичкую и ее муженька⁶? К тому же многих уже выпустили!

София Игнатъевна. Кого ж это: Плевичкую?

Бирюлькин. Адлера, например, нашего соседа!

София Игнатъевна. Ну, он немчура!

Бирюлькин. Напрасно его недолюбливаешь! Он, в случае чего, может пригодиться в качестве заступника!.. И вообще он благожелательный человек: устроил Розалию Семеновну играть в ресторане, муки раздобыл нам оттуда, на автомобиле иногда подвозит! Это надо ценить!

София Игнатъевна. Он просто за Нюрой

¹ Базовое понятие этики Канта, фиксирующее общезначимое нравственное предписание, имеющее силу безусловного принципа человеческого поведения.

² Во время Второй мировой войны единственная русская газета во Франции, немецкий официоз на русском языке. В ней печатались указанные немцами официальные материалы и множество объявлений, по которым русские находили друг друга.

³ Порт де Сен-Клу. (*Фр.*)

⁴ Бывших белых офицеров во время немецкой оккупации действительно забирали в лагеря, но это были не концлагеря, а спецлагеря на территории Франции. Оттуда их относительно быстро отпускали; евреи (даже если они были белыми офицерами) отправлялись далее в концлагеря.

⁵ Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) — организация, основанная генералом П.В. Врангелем из остатков белой армии, объединявшая около 30 тысяч воинов и бывшая стержнем довоенной русской политической эмиграции.

⁶ В 1937 г. знаменитая певица, “курский соловей”, Надежда Васильевна Плевичкая (1884—1941) была арестована французским правительством в связи с таинственным похищением руководителя РОВС генерала Е.К. Миллера. Третий муж Плевичкой Н.В. Скоблин, действительный участник похищения генерала Миллера, скрылся. Несмотря на отсутствие прямых улик, французский суд признал Плевичкую причастной к этому делу и приговорил ее к 20 годам каторжной тюрьмы.

ухаживает. Оттого и с нами дружит.

Бирюлькин. Ну, вот скажешь тоже!

Марфа. Что это я слышала, Панкратий Ильич, будто немцы с Россией воюют? Один так прямо болжился, что правда!

Бирюлькин. Так они уж чуть не второй год, как с Россией воюют! Что ты с луны упала?

Марфа. И ничего не с луны. А только раньше, хоть и воевали с Россией, да не против нее, а теперь — наоборот.

Бирюлькин. Ну “наоборот”! Так что из этого следует?

Марфа. Как что? Жалко же наших!

Бирюлькин. Кого это “наших”?

Марфа. Да своих!

Бирюлькин. Кого это? Большевиков?

Марфа. Русских!.. Это что же будет таперича, коли немец снова на Россию попер?

Бирюлькин. А то и будет, что мы скоро домой возвратимся. (*Встает и прохаживается.*) И тогда, извините-с, а конец большевизму! И конец навсегда! Поиграли в “демократию”, и довольно! Дорого нам этот эксперимент обошелся! (*Показывая на карту России.*) До того распустили народ, что немцы голыми руками забирают Россию!

Марфа. То-то я все слышу: Смоленск взяли, Одессу взяли, Калугу, Киев!.. Думаю, кто ж это взял-то: немцы али наши у них отобрали!

Бирюлькин (*сердито*). Кто это “наши”? Большевики?

Марфа. Русские, я хотела сказать.

Бирюлькин (*сокрушенно*). “Русские”!.. Эх ты, деревня, деревня! Разве против немцев устоит кто на свете?! Нешто не видишь, какая у них сила, выправка, как они шаг отбивают.

Марфа. Супротив шага это не спорю: шаг они отбивают, ажно за версту слышно. А только зачем, не пойму, надо было сперва с русскими шагать “в ногу”, а потом против них?

Бирюлькин. Потому что сапоги нужны были из русской кожи.

Марфа. Это чтобы шаг отбивать?

Бирюлькин. ...а как обули десять миллионов Wehrmacht'a¹? Чего им после этого с большевиками яхшаться: они народ рассудительный.

Марфа. Одурачили, знай, наших?

Бирюлькин (*сердито*). Опять “наших”? Что ты и впрямь большевичкой заделалась?

Марфа (*скромничая*). Куда мне в большевички? Мне дай Бог в буржуйки пролезть, так и то не выходит.

Бирюлькин (*качая головой*). Деревня ты, деревня! Никакого лоску на тебя Париж не навел! Прямо даже удивительно!

Марфа (*застенчиво улыбаясь*). “Формидабль”, вы хотите сказать?

Бирюлькин. Вот именно — formidable²!

Справа входит Нюра, в капотике, с двумя чашками и чайничком на подносике.

Нюра (*здороваясь*). Bonjour tout le monde!³ Я сегодня так продолжительно спала! Очень неловко!.. Можно горячий вода брать?

София Игнатьевна. Берите скорей, а то совсем остынет!..

Нюра наполняет свой чайничек водой и уходит.

Бирюлькин. Ну, я иду в церковь! Ты скоро?.. (*Кладет газеты на стол.*)

София Игнатьевна (*откусывая нитку*). Подожди — я сейчас кончу.

Бирюлькин. Догонишь потом: я по пути зайду к Мишуткиным: они там сахар, говорят, получили.

София Игнатьевна. Тогда беги! Да спроси, когда масло получат! А то в доме ни спичек, ни луку — одна “рютебага”⁴.

Бирюлькин. Хорошо. (*Уходит.*)

Марфа за ним.

Нюра (*входя*). Мама спрашивает, что нового в газетах! А то Адлер унесет... (*Взяв одну из газет, читает.*) “Шестая германская армия занимает развалины Сталинграда. Противостоя атакам красных, героические германские части связывают своим сопротивлением силы нескольких советских армий. Доблесть германских солдат и их боевых соратников — румын и хорватов...” (*Разочарованно.*) Все одно и то же!.. Ах, да! Маман вам переписала письмо Куприна к его первой жене⁵, когда он был за границей!.. (*Передает копию.*)

София Игнатьевна. Большое спасибо! (*Просматривает письмо.*)

Нюра. Он был такой знаменитый, этот писатель Куприн?

София Игнатьевна. Александр Иванович?.. Ну еще бы! Его вся Россия знает.

Нюра. Mais qui est plus grand?⁶ Куприн или Бунин?

София Игнатьевна. Ну, Бунин Нобелевский лауреат!

Нюра. А Мережковский?

София Игнатьевна. Тот больше по религиозным вопросам.

Нюра. А Максим Горький?

София Игнатьевна (*жадно читая письмо*). Максим Горький — революционер.

Нюра. Я знаю. Mais qui est plus célèbre?⁷ Боря говорил, что всех выше Маяковский.

София Игнатьевна. Маяковский — поэт. Это особь статья.

¹ Германских войск. (*Нем.*)

² Потрясающе. (*Фр.*)

³ Здравствуйте, все! (*Фр.*)

⁴ Имеется в виду gutabaга (*фр.*) — брюква, кормовая свекла.

⁵ Русский писатель Александр Иванович Куприн (1870—1938) эмигрировал во Францию в 1919 г. Тяжелобольным вернулся в Россию весной 1937 г. и вскоре умер от рака. Письмо Марии Карловне Куприной-Иорданской (1881—1966), в котором был дан горестно-гротесковый портрет русской эмиграции, отправлено в феврале 1924 г. Опубликовано: *Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости*. М., 1966. С. 322—323. Но судя по всему, “гуляло по рукам” в 1930—1940-х годах.

⁶ Кто крупнее? (*Фр.*)

⁷ Кто более знаменит?.. (*Фр.*)

Нюра. Он ведь уже умер?

София Игнатьевна. Покончил с собой...

Нюра. Как и Есенин?

София Игнатьевна (*отрываясь от чтения*). Не совсем: один повесился, а другой — застрелился.

Нюра (*задумчиво*). Quelle drôle d'idée! Им было так плохо в России?

София Игнатьевна. А бог их знает!.. (*Читает и улыбается.*)

Нюра. Почему вы улыбаетесь?.. О чем пишет этот Куприн?

София Игнатьевна. Пишет об эмиграции... (*Читает громко.*) “Существовать в эмиграции, да еще русской, да еще второго призыва — это то же, что жить поневоле в тесной комнате, где разбили дюжину тухлых яиц. В прежние времена, ты сама знаешь, я сторонился интеллигенции, предпочитая велосипед, огород, охоту, рыбную ловлю, уютную беседу в маленьком кружке близких знакомых и собственные мысли наедине. Теперь же пришлось вкусить без меры от всех мерзостей, сплетен, грязни, притворства, подсиживания, подозрительности, мелкой мести, а главное — непродышной глупости и скуки. А литературная закулисная кухня... Боже, что это за мерзость!.. Знаю, что когда вернусь домой и вспомню утренние парижские перспективы, площадь Звезды, каштановые аллеи, Булонский лес, чудесную Сену под старыми мостами и все, все, все... знаю, что заплачу... (*Сморкается; после короткой паузы.*) Работать для России можно только там. Долг каждого искреннего патриота — вернуться туда...”

Из передней раздается звонок.

Это, верно, Адлер за газетой.

Нюра. Ну, так я убегаю!.. (*Быстро удаляется направо.*)

Из средних дверей появляется доктор Ланской в сопровождении Марфы и молодого Санитара.

Доктор Ланской (*сильно загорелый, с несколько запущенной бородой, в поношенном пальто с повязкой Красного Креста на рукаве и в грубых сапогах*). Здравствуйте, София Игнатьевна! Давно не виделись! Вы одни? А Боря... вернулся? Где он?

София Игнатьевна (*взволнованная, горячо жмет его руку*). Здравствуйте!.. Вам лучше знать, где Боря. Я его месяцами не вижу за последние два года!

Доктор Ланской. Что делать, когда немцы охотятся здесь за молодыми людьми для отправки их на заводы в Германию!

София Игнатьевна. Понимаю, что Боре не хочется быть на виду здесь, в Париже, но...

Марфа. А как его ножка простреленная? Поправилась?

Доктор Ланской. Вполне: он почти не хромет. (*Показывая на Санитара атлетической комплекции.*) Рекомендую: мой помощник по санитарной. Санитар здоровается по-военному с Софией Игнатьевной.

Мы с ним из пригорода... на больничном автокаре.

София Игнатьевна. Нашли себе службу?

Доктор Ланской. Кандидатствую на “амбулаторном пункте”... по дороге в Фонтенбло.

София Игнатьевна. Садитесь, пожалуйста!.. А как его самочувствие? Мы так по нем соскучились!

Доктор Ланской. Отличное. Оно и не мудрено, когда сознаешь себя героем!

Марфа. Боря — “герой”?.. Разве он воюет?

Доктор Ланской. Герой. И притом такой, каким мы все гордимся.

София Игнатьевна. Кто это “все”?

Доктор Ланской. Все, кто работают в его группе.

София Игнатьевна. А что это за “работа” такая?

Доктор Ланской (*оглянувшись на дверь и понизив голос*). Боря — в “résistance”², то есть в одном из отрядов сопротивления немцам.

Марфа (*всплеснув руками*). Опять воюет, Царица Небесная!

Доктор Ланской. Я тоже как медик держу связь с партизанскими отрядами! (*Повернувшись к Марфе.*) Только ради Бога — ни слова об этом другим! Читали приказы немецкого командования? Если кто окажет помощь иностранным парашютистам, — расстрел на месте без суда!

Марфа. Этого еще не хватало: перемирие подписано, а он снова воюет!

Доктор Ланской (*усмехаясь*). Война только еще начинается!

Марфа. Здрсте пожалуйста! Это как же понимать прикажете?

Доктор Ланской. А так, что Советская Россия не сказала еще последнего слова. А слово это будет решающим! (*Вынимает письмо из кармана.*) Где Панкратий Ильич? Я хотел его повидать

София Игнатьевна. В церковь ушел.

Доктор Ланской. На рю Буало? В Карловацкую³?

София Игнатьевна. Она уж на Микель-Анж переехала! Пойдемте! Я вас провожу!.. *Марфа уходит.*

Доктор Ланской. Спасибо! Я лучше здесь его подожду. Не хочу на людях показываться. Что, он по-прежнему насчет Советской России прохаживается?.. Урезоньте его: ей-богу нехорошо! Россия истекает кровью, отражая гитлеровский натиск, а он глумится над русскими вождями, издевается над “товарищами” и злорадствует! **София Игнатьевна.** Я уж стыдила его! Да что с ним поделаешь, когда он не признает советского правительства!

Доктор Ланской (*усмехаясь*). Так-таки не признает?

София Игнатьевна. Так-таки не признает, и баста!

Доктор Ланской (*смеется*). Бедное советское правительство! Я думаю, оно в отчаянии:

¹ Какая дикая мысль! (*Фр.*)

² Сопротивления. (*Фр.*)

³ Карловацкая (церковь) — Русская Православная Церковь за границей (слитное написание *заграницей* — вопреки официальному русскому правописанию как нынешнему, так и дореформенному, в соответствии с уставными документами РПЦЗ). Возникла в 1920-е годы как русская православная эмигрантская церковная организация, вышедшая из административного подчинения Московскому Патриархату.

ему так важно, чтобы Панкратий Ильич Бирюлькин признал, наконец, его законность!..

Из передней слышен звонок.

София Игнатъевна (*повернувшись к входной двери*). Это, верно, Адлер!..

Доктор Ланской (*подмигнув Санитару*). Он-то нам и нужен! (*Ей*). Я скроюсь до поры до времени! (*Улыбаясь*). Конспирация!.. (*Делает знак Санитару и стучит в дверь направо*). Туда можно?

София Игнатъевна (*засуетившись*). Нюра будет даже рада вам! Расскажите ей про Борю!

Голос Розалии Семеновны (*справа*). Войдите!..

Доктор Ланской уходит спешно с Санитаром направо, а София Игнатъевна торопится отпереть входную дверь.

Адлер (*входя, в очень элегантном сером костюме*). Здравствуйте, София Игнатъевна!.. (*Здоровается*). А я за газетой. Не побеспокоил?

София Игнатъевна (*передавая ему газету*). Нисколько, потому что я сейчас бегу в церковь!.. (*Надевает манто и шляпу*).

Адлер. Так поздно?

София Игнатъевна. Захлопоталась!.. (*Направляется к входной двери*).

Адлер. Можно Нюру на минутку? Я хотел ей два слова...

София Игнатъевна (*кричит направо*). Нюра! Нюра!.. К вам пришли. (*Адлеру*). Ну, до свидания!.. (*Уходит*).

Нюра (*входя*). Bonjour, cher Monsieur! Что вы так поздно? Пропали, как и я?.. Садитесь!.. *Садятся*.

Довольны у вас, в ресторане, как играет мама на рояле?..

Он кивает головой.

А как она цыганские песни поет, — замечательно!.. Она говорила: там так много офицер из Wehrmacht, в ресторане. Ils ne sont pas terribles, ces Vainqueurs², когда выпьют?

Адлер (*улыбаясь*). Mais pas du tout.³ Это очень милый народ! Особенно молодежь! Рыцарское поведение... Кстати, я хотел вам кое-что сказать... (*Отводит ее подальше от двери, ведущей в комнату Розалии Семеновны*). Ваша мама, я узнал, не только по отцу еврейского происхождения, но и по дедушке с материнской стороны... Вы, конечно, знаете расовые законы национал-социалистов? Худы они или хороши, — им приходится подчиняться. В вы под эти законы не подходите, а вот Розалия Семеновна — дело другое! И если кто-нибудь донесет... мне грозит неприятность за подобную рекомендацию! (*С горькой усмешкой*). Я, конечно, готов на жертву для

любимого существа, но... если я вам совершенно чужд и вы меня почти презираете...

Нюра (*перебивая*). Я вовсе вас не презираю! Quelle idee!⁴

Адлер (*беря ее нежно за руку двумя руками*). Если это правда... если вы меня хоть чуточку любите, я... я сделаю все, что в моих силах для вашего счастья! Вы мне верите?

Нюра. Merci infiniment!⁵ Я вам и так признательна за маман!

Адлер. О вашей маман я тоже подумал: у нее слабое здоровье, и ей вредно оставаться поздно вечером в ресторане... Мы ее освободим! Но вы не печальтесь, потому что я говорил с Олимпиадой Платоновной, и она вместо Розалии Семеновны готова пригласить вас!

Нюра. Меня?! Но я так плохо играю на рояле!

Адлер. Это не имеет никакого значения, так как мы ангажируем вас главным образом не как пианистку, а как танцовщицу!

Нюра. Но... я не знаю, право...

Адлер (*горячо*). Вы будете получать в месяц в два раза больше, чем ваша маман! Довольны?.. Олимпиада Платоновна уже согласилась, а это самое главное. Мы вообще обновляем программу.

Нюра. Я не знаю, как взглянет на это маман, и будет ли она пускать меня танцевать перед пьяными офицерами!

Адлер (*деликатно ехидничая*). Как взглянет ваша маман, это не так важно по сравнению с тем, как взглянет Gestapo, если узнает о ее еврейском происхождении. А потому... лучше ей не показываться у нас в ресторане. Мало ли какие могут выйти неприятности!..

Справа слышен зов Розалии Семеновны: "Нюра!" Ну, я бегу! Auf Wiedersehen, mein Herzchen⁶.

Нюра. Je ne vous comprends pas⁷. (*Хочет уйти направо*).

Адлер (*с усмешкой*). Vous ne voulez pas me comprendre?⁸

Нюра. En tout cas⁹, я хочу учиться по-русски, а не по-немецки!

Адлер. Напрасно! Можете прогадать!

Нюра. Et bien on verra, c'est a controler!¹⁰

Уходит в дверь направо, откуда в ту же секунду появляется доктор Ланской и Санитар.

Адлер (*доктору Ланскому*). Ба! Кого я вижу!.. (*Здоровается*). Ну, что? Я был прав? Помните наш спор? Немцы оказались как нельзя более воспитанными! И "Reichsdeutsche" и "Volksdeutsche"¹¹ — безразлично!

Доктор Ланской (*чуть-чуть иронично*). А кто ж это такие "Volksdeutsche"?

¹ Здравствуйте, дорогой! (Фр.)

² Они не страшные, эти завоеватели. (Фр.)

³ Нисколько. (Фр.)

⁴ Что за мысль! (Фр.)

⁵ Бесконечно благодарна! (Фр.)

⁶ До свидания, милочка. (Нем.)

⁷ Я вас не понимаю. (Фр.)

⁸ Вы не хотите меня понять? (Фр.)

⁹ Во всяком случае. (Фр.)

¹⁰ Что ж, увидим, проверим! (Фр.)

¹¹ Имперские немцы и фольксдойче (понятия, введенные в обиход нацистами, призванные отделить немцев, проживающих в Германии, от немцев, живущих вне ее).

Адлер (*шаркая ногой и кланяясь*). Разрешите представиться! Те, кто родились не в Германии, а, например, как я, — в Прибалтике.

Доктор Ланской. Вы, значит, больше уж не русский?

Адлер. Я был всегда по крови немцем. А теперь я и документально стал им.

Доктор Ланской. Ах, так?.. Натурализовались?

Адлер. Вы угадали.

Доктор Ланской. И у вас хватило духу отречься от родины? Отречься от России, которая дала вам и образование, и достаток, и положение в обществе, все?!

Адлер (*насмешливо*). О да! Все, кончая рангом гражданина, так сказать, “второго сорта”!.. А на днях не только эмигранты, а того гляди, и все русские станут подобными гражданами! Небось читали сводку военных действий?

Доктор Ланской. Война еще не кончилась, и ее результаты гадательны.

Адлер. Что ж вы не едете тогда в Россию? Германские войска расчистили вам путь до самой Волги! Прямая дорога в Сталинград! За чем же дело стало? Уж многие собираются восвояси.

Доктор Ланской (*задетый за живое*). Я к этим “многим” не принадлежу, пока в России немцы!.. И вообще сомневаюсь, имеют ли право эти “многие” вернуться домой после того, как двадцать пять лет пребывания здесь оплеывали нашу родину, злорадствуя над ее неудачами!.. Шкурники, торгаши, продажные перья, юдофобы, доносчики и всякая шваль — чем дальше они будут от России, тем лучше для нее!.. Вам тоже там не место, если вы хотите знать мое мнение!

Адлер (*поблуднее*). Что вы хотите сказать?.. Вы смеете приравнивать меня ко всякой швали?

Доктор Ланской. Да, смею! Ибо узнал досконально, кто вы такой!

Адлер (*мрачно усмехаясь и положила руку в карман*). Кто же я, по-вашему?

Доктор Ланской. Подлец, каких мало!

Адлер (*вынув револьвер из кармана*). Возьмите сейчас же ваши слова обратно! Не то берегитесь!

Доктор Ланской. Это вы берегитесь, так как это вы разоблачены как доносчик на русских патриотов!

Адлер. Я?! “разоблачен”?! Что за бред?! (*Наступая на доктора Ланского и грозя револьвером*). В последний раз предлагаю взять ваши слова обратно и извиниться предо мною! Не то...

В этот момент Санитар, надев кистень на руку, оглушает Адлера ударом по затылку. Тот, крикнув, падает на пол без сознания.

Доктор Ланской (*достав из кармана большой платок, накидывает его на лицо Адлера и торопит Санитара*). Не будем терять времени!.. Спасибо! Спас меня от смерти!.. Теперь скорее в автокар и

сладим его в Фонтенбло на суд и расправу!¹.. (*Поднимает с полу Адлера при помощи Санитара, с коим уносит его к входной двери*). Ловко ты его оглушил! Сразу окоурился!.. (*Уходит в переднюю*). Санитар прикрывает за ними дверь. Слышно вскоре хлопанье двери в передней и удаляющиеся шаги. **Розалия Семеновна** (*входя справа, с озабоченным видом*). Доктор!.. Доктор, где вы?.. Нюре дурно!.. Плачет, не переставая... Я не знаю, что делать!.. (*Заглянув в переднюю*). Ушел!.. Гм... ушел, не простившись!..

Нюра (*входя с заплаканными глазами*). J'vous en supplie² не надо никого беспокоить! Дайте лучше воды!.. C'est une crise des nerfs! voilà tout! (*Опускается в бессилии на стул*).

Розалия Семеновна (*наливая ей воды из графина*). Но в чем дело? Что случилось, мое золотко?.. (*Дает ей выпить*). Скажи же, наконец! Тебе легче будет.

Нюра (*пьет и слегка успокаивается*). Что за ужасный эпох, в какой мы живем!.. Это хуже, чем Куприн писал: такой атмосфер, что нельзя дышать! И какие гадкие люди на свете!

Розалия Семеновна. Какие люди? О ком ты говоришь?

Нюра (*вытирая глаза*). Oh c'est monstrueux!³ Из-за того, что одни люди одной расы, а другие — д р у г о й, им угрожает deportation⁴, тюремный режим, может быть, смерть!.. (*Рыдает*). Стоит только донести кому-нибудь, и тогда... тогда...

Розалия Семеновна (*унимая ее плач*). Успокойся, золотко! Ну, кто на меня донесет?! Откуда ты взяла? Что за дикие мысли! Я никому зла не сделала, и вообще у нас нет врагов!..

Из передней раздается звонок.

Перестань плакать!.. Я пойду отпереть. (*Уходит быстрыми шагами в переднюю, откуда через несколько секунд раздаются ее радостные восклицания*). Боря?! Это вы?.. Где вы пропадали? Нюра так скучает без вас!.. Вы, наверно, голодный?.. Когда вы приехали? Хотите чаю?.. Раздевайтесь и входите! Я сейчас вскипячу воду!

Боря (*входя стремительно, словно безумный, кричит, завидев Нюру*). Нюра!.. Моя trésor⁵!.. (*Его не сразу узнать: загорел, возмужал, отпустил усики, ходит вразвалку, стуча сапогами, одет в штатское спортивного покроя*). Oh mon petit chou adorable!⁶ До чего я счастлив!.. (*После секундного колебания обнимает ее, как товарища*). Я столько думал о вас все последнее время!

Нюра (*краснея от счастья*). Mais moi de même: je ne pensais qu'à vous!⁷ Где вы скрывались? Я хотела вам писать! Почему вы не приезжали так долго?

Боря. Я не мог... (*Понизив голос*). Я потом вам все объясню. Но я имел связь с Парижем через docteur⁸ Ланской. И когда я узнал, что monsieur Адлер за

¹ Во Франции существовала система специальных судов над коллаборационистами. В Фонтенбло был расположен один из них.

² Умоляю. (Фр.)

³ О, это чудовишно! (Фр.)

⁴ Депортация. (Фр.)

⁵ Сокровище. (Фр.)

⁶ О, моя обожаемая душенька! (Фр.)

⁷ И я тоже: только о вас и думала! (Фр.)

⁸ Доктор. (Фр.)

вами ухаживает, я сделался почти больной, parce que c'est un vrai salop¹ и... кроме того я... я... ревную! Да! Я ревную!

Нюра. Но разве вы меня любите?

Боря. И вы еще спрашиваете?!

Нюра. Но вы никогда... не показывали вид! Jamais je n'aurais cru! J'étais persuadée que j' suis pour vous insinifiente.²

Боря (пламенно). Vous?! Insinifiente pour moi?!³

Нюра. Mais bien sûr!.. Vous ne m'avez jamais fait des "avances". Comme cet Adler..⁴

Боря. Не говорите о нем, потому что он самый настоящий gredin!⁵

Нюра. Я его тоже теперь узнала: un "nazi", un fasciste, un homme qui me dégoûte!⁶ Вот что он такое!

Боря. Мои товарищи его выследили и выяснили его связь с Гестапо!.. Вы должны его остерегаться, потому что он донес на одного служащего "Chez les Bouyars", и того увезли в концентрационный лагерь. Но он за это ответит! Он не знает, что нас много и что за ним следят! Вы должны тоже быть с нами и нам помогать! Хорошо? Согласны?

Нюра. D'accord!⁷ Но... чем я могу помочь?.. Вы сказали столько нового и... у меня кружится голова!

Боря. Тут нечего размышлять! Вы одних со мной политических убеждений! И, кроме того у a des choses qui n' se résonnent pas!⁸ Оттого что одно из двух: или вы меня любите или нет! Или вы хотите бороться со мной за свободу народа или вам все равно, если Франция и Россия будут под сапогом Гитлера!⁹

Нюра. Mais laissez moi réfléchir!⁹

Боря (перебивая). Как?! Вам надо еще réfléchir!¹⁰!

Нюра. Нет, но... Je répète: c'est tellement inattendu!¹¹, что...

Раздается оглушительно-протяжный вой сирены, возвещающей приближение к Парижу боевых аэропланов. Боря выжидает паузу и вдруг, словно безумный, цепко обнимает Нюру и покрывает ее лицо, руки, шею страстными поцелуями. Розалия Семеновна показывается в средних дверях, но остается незамеченной стоящими к ней спиной Борей и Нюрой. Как только сигнальная сирена смолкает, слышится звонок, и Розалия Семеновна скрывается в переднюю.

Нюра. Боря!.. Оставьте!.. Vous me rendez folle!¹²

Боря. Любите вы меня или нет? Отвечайте сразу и немедленно! Через минуту от этого дома и от нас самих может ничего не остаться!

Нюра (в смущении). Ну, а если... люблю?

Боря (крепко прижимая ее к себе). Тогда счастье в наших руках, и сама Смерть не разлучит нас!

Нюра (обнимая его за шею). Вы в этом уверены?

Боря. Абсолютно!..

Замолкают, сливаясь в поцелуе. Слышно хлопанье двери в передней и гул голосов: "Что?.. Боря приехал?.. Наконец-то!.. Надо поскорее завтракать: он, верно, умирает с голоду!.. Я уж готовлю ему чай!.. Да где же он?"

София Игнатьевна (распахивая среднюю дверь). Боря!.. Когда ж ты приехал?..

Бирюльки (влетает вслед за женой, сопровождаемый Марфой и Розалией Семеновной). Что ж ты не предупредил?

Марфа (со слезами радости). Боричка!.. Господи ты Боже мой, Царица Небесная!..

Боря из объятий Нюры попадает в объятия матери, потом отца и бывшей няни. Нюра отходит от Бори, чтобы спрятать свое счастливое лицо на груди Розалии Семеновны. Раздается оглушительная бомбардировка с пролетающих авианов. Все присутствующие озабоченно переглядываются в выжидательных позах.

Бирюльки (лишь только стихла бомбардировка, восклицает повелительно, притворяясь хладнокровным). Скорей в подвал!.. В "абри"¹³!.. Не теряйте ни секунды времени!.. (Торопится уйти в средние двери.)

Боря. Да они уж пролетели, папа! И мы в первом этаже! Это тот же "абри".

Нюра (скороговоркой, почти в один голос с Борей). Nous sommes bien loin de la gare de triage!¹⁴

Боря. Et de l'usine! Ne vous tracassez guère!¹⁵

Бирюльки. Черт подери! Эти англосаксы и Париж наш обратят в Берлин как ни в чем не бывало!

Марфа (крестясь). Прогневилы мы Бога!

Боря (охваченный радостным волнением). Это скоро все кончится! Американцы разрушают не частные дома, а пути сообщения, товарные склады, фабрики, работающие для немцев! Они нас спасают, облегчая победу союзников!

Нюра (восторженно). C'est vrai! C'est vrai! Ne vous tracassez pas cher Pankraty Illitch!¹⁶

Боря. "Би-би-си" говорило по радио, что шестая немецкая армия окружена в Сталинграде советскими войсками и должна сдаться в плен!.. (Отцу.) Это такое событие, такая радость для

¹ Потому что это настоящий мерзавец. (Фр.)

² Я и подумать не могла! Я была убеждена, что безразлична вам. (Фр.)

³ Вы мне безразличны?! (Фр.)

⁴ Ну, конечно! Вы никогда не делали мне "авансов". Как этот Адлер... (Фр.)

⁵ Негодяй. (Фр.)

⁶ Нацист, фашист, человек, который мне отвратителен. (Фр.)

⁷ Согласна! (Фр.)

⁸ Есть вещи, о которых не говорят. (Фр.)

⁹ Дайте мне подумать! (Фр.)

¹⁰ Думать. (Фр.)

¹¹ Повторяю, это так неожиданно. (Фр.)

¹² Вы меня с ума сводите! (Фр.)

¹³ Имеется в виду abri (фр.) — убежище.

¹⁴ Мы далеко от сортировочной станции! (Фр.)

¹⁵ И от завода! Не беспокойтесь! (Фр.)

¹⁶ Правда! Правда! Не волнуйтесь, дорогой Панкратий Ильич! (Фр.)

всех, кто стоит за свободу! А ты все еще отвергаешь советскую власть!.. Ну, как ты можешь не признать ее после такого героизма Красной армии?!

Бирюлькин (*усмехаясь, отмахиваясь рукой*). Брось!.. Опять заладил свое: “признай, да признай”. Очень кому нужно мое признание!..

Боря. Оно нужно из принципа, во имя справедливости!

Бирюлькин (*как бы выталкивая слова изо рта*). Ну, скажем, признаю советскую власть! Признаю! Доволен?.. Признаю, но... (*Пауза; все ждут его ответа.*) Не одобряю!..

Общий смех.

София Игнатьевна (*тормоша мужа*). За что же ты ее не одобряешь? За то, что она Москву отстояла? Осаду Ленинграда выдержала? В Сталинграде заградила путь немцам? За это не одобряешь?

Бирюлькин. Вы из меня дурака не стройте!.. Ответьте-ка лучше, кто начал войну.

Все. Немцы.

Бирюлькин. А при чьей поддержке, спрашивается?.. При чьей поддержке? А!

Боря. Ну, при поддержке русских! Так что из этого?

Бирюлькин. А то, что, не поддержи они немцев, войны бы вовсе не было, миллионы жизней были бы целы, тебя бы не ранили в ногу, да и Россия не была бы разорена в пух и прах! Понял?

Боря. Но это была историческая необходимость! Советы думали, что Англия натравливает Германию на Россию, чтоб покончить с коммунизмом!

Бирюлькин (*насмешливо*). Кто это тебе сказал? А?.. Откуда ты это взял, скажи?.. Распропагандировали мальчика! Прямо беда!

Боря. Ничего не “распро...” Это был лишь ловкий маневр со стороны l'URSS, потому что там знали, что Германия все равно нападет на Россию, и не хотели стать жертвой международных интриг!

Бирюлькин. Да, да, рассказывай! Кто тебе поверит?

Боря. Все поверят, потому что les Soviets¹ были страшным врагом фашизма и им надо было выиграть время, чтоб, втянув Германию в войну, обрушиться потом на нее со всей силы!

Нюра. Mais c'est exact, Pankraty Illitch!² Почему вы не верите?

Боря (*ей*). Папа ничему не верит, когда я говорю про Советы!.. Он не верит даже в то, что террор там царил потому лишь, что буржуазия, священники и крестьяно-кулаки были контрреволюционеры! А что теперь, когда все, начиная с духовенства и кончая

бывшими капиталистами, пошли с оружием защищать советскую власть, — эта власть отменит скоро террор, помирится с народом, где нет больше contre-revolutionnaires³ и не побоятся разрешить свободу слова, печати, собраний и выборов на самый демократический манер!

Бирюлькин (*криво улыбаясь*). Твоими бы устами да мед пить!

Розалия Семеновна. Ну, что же: поживем — увидим!

Нюра. C'est vraie: “qui vivra — verra!”⁴

Боря. Конечно: поживем — увидим! Недолго уже ждать теперь! Все там изменится к лучшему! Все! Вот вы увидите!

Все (*в один голос; одни бодро и с верою, другие иронично и с усмешкой*). Поживем — увидим!

Боря. Победа не за горами! Наступит мир, и les Soviets отменят диктатуру пролетариата, сократят власть ГПУ и уничтожат смертную казнь!..

Бирюлькин (*иронически*). Да, да! Держи карман шире!

Розалия Семеновна, София Игнатьевна, Марфа и Нюра. Поживем — увидим!

Боря (*горячо, с убеждением*). Да, да и увидите, что Россия станет самым демократичным государством в мире, куда мы все поедем, потому что там н у ж н а интеллигенция!

Бирюлькин (*ядовито смеясь*). Конечно, н у ж н а: чтобы было кого расстреливать!

Боря (*ему, протягивая руку*). Ну, хочешь пари, что в тысяча девятьсот сорок пятом году мы уже вернемся на родину?

Бирюлькин (*отстраняя руку*). Только не я! Мне своя шкура дорога! Знаем мы эти ловушки!

Боря. Боишься проиграть?

Бирюлькин. Это тебе надо бояться!

София Игнатьевна. Бросьте, господа, спорить!

Розалия Семеновна, София Игнатьевна, Марфа и Нюра (*примирительно*). Поживем — увидим!

Боря. А в тысяча девятьсот сорок седьмом году мы уже станем полноправными гражданами СССР и будем голосовать в Москве за Советы!

Бирюлькин. Рехнулся мальчик! Вот распропагандировали!

София Игнатьевна. Да бросьте, господа, ей-богу!

Все (*в один голос; одни бодро и с верою, другие иронично и с усмешкой*). Поживем — увидим!

Занавес

¹ Советы. (*Фр.*)

² Но это точно так, Панкратий Ильич! (*Фр.*)

³ Контрреволюционеров. (*Фр.*)

⁴ Правда, поживем — увидим! (*Фр.*)